

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Том 26, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, г. Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, г. Токио)

И. В. Саблин, доктор исторических наук (Германия, Гейдельберг)

Е. Смолари, PhD (Германия, Бон)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук, (Москва, Россия)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, д.и.н., (Улан-Удэ, Россия)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, г. Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Оренбург, Россия)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Челябинск, Россия).

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,

Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Vol. 26, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2021

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of humanities (Tokyo, Japan)

I. V. Sablin, doctor of historical sciences (Germany, Heidelberg)

E. Smolarts, PhD (Germany, Bon)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiyyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Moscow, Russia)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Ulan-Ude, Russia)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadlov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Kemerovo, Russia)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Orenburg, Russia)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Chelyabinsk, Russia)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved.
No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher.*

Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department
of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2021 Том 26, №2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Нуржанов А. А., Терновая Г. А.* Находка керамического сосуда с росписью на городище Кастек-1 в 2019 г.....7
- Ярыгин С. А., Ильдеряков Н. Н.* Погребение «пазырыкского типа» на могильнике Таусамалы23
- Дашковский П. К.* Исследование кургана №22 пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол (Алтай).....40
- Сериков Ю. Б.* Культурные комплексы и топографические особенности мезолитических святилищ Среднего Урала54
- Серегин Н. Н., Тишкин А. А., Матренин С. С., Паршикова Т. С.* Пряслица из некрополя жужанского времени комплекса Чобурак-I (Северный Алтай)69
- Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С.* Объекты сянббийского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай).....81

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Бурнаков В. А.* Баран в традиционных сакральных практиках хакасов (конец XIX — середина XX в.).....92
- Дробышев Ю. И.* Образ монгольских завоевателей в западных и восточных источниках (опыт сравнительного анализа).....106

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Никольская Т. К.* Возрождение или кризис? Вызовы «перестройки» в конфессиях русского протестантизма121
- Ожередов Ю. И.* Сакральная топография некрополей нарымских палеоселькупов.....132
- Дашковский П. К., Гончарова Н. С.* Некоторые аспекты государственного контроля за деятельностью религиозных общин в Хакасии в первой половине 1980-х гг.....163

РЕЦЕНЗИИ

- Калиева С. А., Акымбек Е. Ш.* Рецензия на кн.: Зиняков Н. М., Савельева Т. В. Палеоэкономика средневековых городов Илийской долины VIII–XIV вв. (по археологическим источникам) : монография. Алматы, 2020. 520 с., илл. (на каз., рус., англ. яз.)180

ДЛЯ АВТОРОВ194

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2021 Vol. 26, №2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Nurzhanov A. A., Ternovaya G. A.</i> Find of ceramic vessel with painting on the Kastek-1 city-site in 2019	7
<i>Yarygin S. A., Ilderyakov N. N.</i> Burial of the “Pazyryk type” at the Tausamaly burial ground	23
<i>Dashkovskiy P. K.</i> Study of mound № 22 of the pazyryk culture at the Khankarinsky dol burial ground (Altai)	40
<i>Sericov Yu. B.</i> Cult complexes and topographical features of mesolithic sanctuaries in the middle Urals	54
<i>Seregin N. N., Tishkin A. A., Matrenin S. S., Parshikova T. S.</i> Spindles from the necropolis of rouran time of Choburak-I complex (North Altai)	69
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S.</i> Objects of xianbei period of the Karban-I complex (Northern Altai)	81

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Burnakov V. A.</i> The ram in the traditional sacred practices of the khakas (late XIX — mid XX century)	92
<i>Drobyshev Yu. I.</i> The image of the mongol conquerors in western and eastern sources (experience of a comparative analysis)	106

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Nikolskaya T. K.</i> Revival or crisis? Challenges of “Perestroika” for the confessions of russian Protestantism	121
<i>Ozheredov Y. I.</i> Sacral topography of the burial sites of narym paleo-selkups	132
<i>Dashkovskiy P. K., Goncharova N. S.</i> Some aspects of state control over the activities of religious communities in Khakassia in the first half of the 1980s	163

REVIEWS

<i>Kalieva S. A., Akymbek E. Sh.</i> Reference. Zinyakov N. M., Savelyeva T. V. Paleo-economics of Medieval Towns of the Ili Valley VIII–XIV cc. (According to Archaeological Sources). Almaty, 2020. 520 p., ill. (in Kazakh, Russian, English). ISBN 978–601–7106–46–1	180
--	-----

FOR AUTHORS	194
--------------------------	-----

УДК 94

DOI: 10.14258/nreur(2021)2-08

Ю. И. Дробышев

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ОБРАЗ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ В ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена сопоставлению известных западных и восточных источников о монголах периода единой Монгольской империи. На примерах, взятых из сочинений средневековых историков, дипломатов, священнослужителей и других лиц, показано, что взгляды Запада и Востока на монгольских захватчиков имели больше различий, чем сходства, что обусловлено как значительной разницей в менталитете, так и историческими факторами. В целом, восточные, прежде всего китайские, авторы сообщают о монголах более точную и детальную информацию, они оценивают новую политическую силу трезво. Для них монголы — очередная волна «северных варваров», к взаимодействию с которыми китайская культура за века была хорошо адаптирована. О претензиях монголов на овладение «всей вселенной» они не говорят. Напротив, для многих западных наблюдателей (принадлежавших как к христианской, так и к мусульманской цивилизации) монголы представлялись лишенным человеческих качеств народом, намеревающимся подчинить себе весь мир, посланным Богом в наказание за грехи. Активная либо фаталистическая позиция средневековых авторов хорошо коррелирует с настроениями обществ, столкнувшихся с монгольской угрозой. Взгляды западных и восточных современников могли бы дополнить друг друга в целях выявления истинных целей монголов и завоевательных планов самого Чингисхана, а также помочь в реконструкции особенностей восприятия монголов разными народами.

Ключевые слова: образ монголов, Монгольская империя, западные источники, восточные источники.

Yu. I. Drobyshev

Institute of oriental studies Russian academy of sciences, Moscow (Russia)

THE IMAGE OF THE MONGOL CONQUERORS IN WESTERN AND EASTERN SOURCES: EXPERIENCE OF A COMPARATIVE ANALYSIS

The article is devoted to the comparison of information from Western and Eastern sources about the Mongols of the period of the unified Mongol Empire. Examples taken from the

writings of medieval historians, diplomats, and clergymen show that the views of the West and the East on the Mongol invaders had more differences than similarities, which is due to both significant differences in mentality and historical factors. In general, Eastern, primarily Chinese authors report more accurate and detailed information about the Mongols, they assess the new political force soberly. For them, the Mongols were another wave of “northern barbarians”, to which Chinese culture has been well adapted over the centuries. They do not talk about the Mongols’ claims to possess “the whole universe”. On the contrary, for many Western observers (belonging to both Christian and Muslim civilizations), the Mongols were seen as a people devoid of human qualities, trying to subjugate the whole world, and sent by the Lord as a punishment for their sins. The active or fatalistic position of medieval authors correlates well with the mood of a society faced with the Mongol threat. The views of Western and Eastern contemporaries could complement each other in identifying the true goals of the Mongols and the conquering plans of Genghis Khan himself, as well as help in reconstructing the features of acceptance of the Mongols by different peoples.

Keywords: the image of the Mongols, the Mongol Empire, Western sources, Eastern sources.

Дробышев Юлий Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Истории Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: altanus@mail.ru.

Drobyshev Yuliy Ivanovich, PhD, senior researcher of the Department of History of the East of the Institute of Oriental studies RAS, Moscow (Russia). Contact address: altanus@mail.ru.

Введение

В XIII в. народы Евразии столкнулись с новой могущественной силой — монголами, которые в одних землях надолго утвердили свое господство, а для других в течение десятилетий представляли источник потенциальной угрозы. Эта сила оставила глубокий отпечаток в историографии различных стран, благодаря чему современные историки получили возможность с большей или меньшей достоверностью восстановить хронологию и направления военных походов, боевых столкновений, мирных договоров и особенностей установления монгольской власти в тех или иных государствах. Вследствие огромной географической протяженности театра военных действий в коллизии оказались вовлечены различные народы, по-разному воспринявшие незваных гостей, поэтому информация о монголах, сохранившаяся в источниках, которые были созданы в тех или иных частях Евразии, сильно варьируется. Нет ничего удивительного в том, что она практически всегда негативна; тем не менее образ захватчиков имеет заметные различия в зависимости от того, кто был автором сочинений: европеец, китаец или кто-то другой.

Материалы и методы

В настоящей статье мы предпринимаем попытку схематично сопоставить образ монголов, который донесли до нас западные и восточные источники. Под за-

падными подразумеваются источники, созданные представителями монотеистических культур (христианской и исламской); под восточными — те, что были составлены в политеистической среде (буддийской, даосской) и близкой к ней конфуцианской. Таким образом, мы сопоставляем армянские, грузинские, сирийские, русские, византийские, европейские, арабо-персидские источники, с одной стороны, и китайские, тибетские, тангутские, японские, вьетнамские источники — с другой, выбирая из той и другой группы наиболее характерные примеры. Разумеется, такая классификация несколько искусственна, но, как нам представляется, она приносит определенные плоды.

Информативность разных источников весьма неодинакова. Из дальневосточной группы наиболее богатые сведения сообщают китайские. Необходимо четко различать, как минимум, три их типа. Во-первых, те, что были написаны до начала активных военных действий монголов против Южной Сун (это прежде всего широко известные реляции дипломатов Чжао Хуна, Пэн Да-я и Сюй Тина, составленные в 1220–1230-е гг.). В это время монголы и китайцы были союзниками в борьбе с чжурчжэнями, и тон сообщений, в целом, был благожелательный, хотя китайцы никогда не забывали, что имеют дело с «варварами». Во-вторых, официальную историографию периода монгольского владычества (например, «Описание личных походов священно-воинственного», т. е. Чингисхана), а также опиравшуюся на нее более позднюю (типа «Юань ши», где составители сохранили приукрашенный образ захватчиков как бывших законных хозяев Поднебесной). Наконец, в-третьих, неофициальные сочинения, в которых авторы могли свободно излагать свою точку зрения на монголов. Эти произведения могут быть как более или менее позитивно настроенные к захватчикам, как, например, «Описание путешествия на Запад», так и резко негативными. В центре нашего внимания стоят источники, отражающие начальный этап ознакомления китайцев с монголами как с новым политическим вызовом. Богатая литература юаньской эпохи при этом остается вне нашего поля зрения, что оправдывается, помимо субъективного фактора, принципиально иной перспективой ее творцов.

Историография остальных регионов Восточной Азии сейчас имеет для нас меньшее значение. Японские сочинения создавались в условиях независимости от монголов. Они сравнительно малоинформативны. Хотя Тибет и попал в сферу монгольского влияния, однако породил преимущественно духовную литературу, а ученые ламы описывали события под религиозным углом зрения. О монголах они говорят чаще всего в нейтральном тоне. Из персоналий основное внимание уделяется внуку Чингисхана Годану, организовавшему вторжение в Тибет в 1240 г., и Хубилаю, положившему в своей империи начало «двух правлений» — светского и религиозного, в котором тибетские духовные иерархи играли заметную роль. Тангутское государство либо не успело произвести корпус сочинений, затрагивающих монгольскую тематику, либо, как нередко думают, они наряду с подавляющим большинством рукописей и ксилографов, погибли в огне последней войны с монголами в 1227 г. То, что уцелело в знаменитом субургане в Хара-Хото, монгольский вопрос практически не затрагивает, хотя, согласно разысканиям известного отечественного тангутоведа К. Б. Кепинг, в одной из найденных там записей ритуальных песен Чингисхан назван «де-

моном-душителем из преисподней» по прозвищу «Кузнец Гром» [Kepping, 2003: 191, 198]. К сожалению, не сохранилось никаких записей о монголах от империи Цзинь, с 1211 г. ведшей с ними войну.

Что касается западных источников, то по обилию информации лидируют арабо-персидские, армянские¹ и европейские, тогда как русские источники в отношении монголов весьма немногословны и обычно пересказывают одни и те же события с теми или иными вариациями, представляющими интерес для реконструкции взаимоотношений между отдельными политическими или церковными группировками в пределах Руси, но практически ничего не добавляющими к пониманию русских взглядов на монголов. Персоязычная историография особенно важна, так как позволяет увидеть образ монголов как бы в двух ракурсах — глазами покоряемых и глазами самой же монгольской элиты, поскольку ее ярчайшие представители — Ала ад-Дин Джувейни (1226–1283) и Рашид ад-Дин Хамадани (1247–1318) сотрудничали с монголами и обладали уникальной по полноте и разнообразию информацией.

Результаты и обсуждение

Одной из первых на появление новой политической силы у своих границ отреагировала китайская историография. Китайцы в течение многих веков соседствовали с номадами, и приход к власти в степях очередной «варварской» династии вряд ли мог удивить их. Некоторые объединения кочевников оказывались сильнее прочих и давали начало кочевым империям, которые порой доставляли Поднебесной немало беспокойства. Но никто из них не посягал на земли Южного Китая, где в эпоху, предшествующую монгольскому нашествию, были составлены ценнейшие произведения, подробно описывающие эту новую политическую силу. Именно они послужили нам основой для сравнительного анализа как яркие образцы восточного взгляда на монголов периода империи (практически общепринято датировать период единой Монгольской империи 1206–1260 гг.).

Коренная разница видна уже при сравнении описаний внешности и поведения монголов. Первое взято из «Послания Генриха Распе, ландграфа тюрингенского, герцогу Бранбургскому о татарах», и датируется 1242 г.: «Бесчисленные племена, ненавидимые прочими людьми, по необузданной злобе землю с ревом попирая, от востока до самых границ нашего владения подвергли всю землю полному разорению... , никого не щадя, всех равно без сострадания предавая смерти, за исключением одних лишь младенцев, которым царь их, величаемый Цингитомом, ставит клейма на лбу. Людей они не поедают, но прямо пожирают. Едят они и лягушек [и] змей... Ведь у них страшное тело, яростные лица, гневные глаза, цепкие руки, окровавленные зубы, а пасти их в любое время готовы поедать человеческое мясо и выпивать человеческую кровь...» [Матузова, 1979: 154–155].

¹ В годы монгольской экспансии большинство населенных армянами земель, за исключением Киликийской Армении, входило в состав Грузинского царства. Из грузинских источников о монголах до наших дней дошел только один — «Столетняя летопись», или «Хронограф» (XIV в.). По своей информированности о монгольских делах ее неизвестный автор близок творцам армянских летописей.

Второе описание принадлежит южносунскому дипломату Чжао Хуну: «Татары в большинстве случаев не очень высоки ростом. Самые высокие не превышают пяти чи и двух-трех цуней (менее 170 см. — Ю. Д.). [Среди них] нет также полных и толстых. Лица у них широкие и скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода весьма редкая. Внешность довольно некрасивая» [Мэн-да бэй-лу, 1975: 48]. Несмотря на наличие в последнем отрывке оценочного суждения («внешность довольно некрасивая»), слова Чжао Хуна производят впечатление вполне объективных. Что касается тюрингенского ландграфа, то его более чем эмоциональные и далекие от истины высказывания вряд ли требуют комментариев, за тем лишь исключением, что его мнение разделяли многие образованные европейцы, несмотря на то, что в битвах 1241–1242 гг. в Польше, Моравии, Венгрии и Хорватии они имели возможность лучше узнать врага. Интересно, что подобные представления о монголах возникли и в Византии, где их первоначально воображали собакоголовыми пожирателями людей [Византийские историки, 1862: 123], но вынужденное более близкое знакомство не только рассеяло это заблуждение, но и побудило византийских императоров отдавать своих незаконнорожденных дочерей в жены этим «людоедам» с целью сохранить свой трон. «Очеловечиванию» образа монголов в Европе способствовали весьма точные и детальные отчеты Плано Карпини (1182–1252) и Вильгельма Рубрука (ок. 1220 — ок. 1293).

Весной 1223 г. Чжэбэ и Субэдэй, командовавшие монгольским экспедиционным корпусом и преследовавшие половцев, вступили в контакт с русскими князьями, политическая близорукость и вероломство которых очень скоро привели к трагическим последствиям. Это столкновение с неизвестным противником нарисовано в русских летописях апокалипсическими красками. Так, одна из древнейших, Лаврентьевская летопись сообщает: «В том же году явились народы, о которых никто хорошо и точно не знает, кто они и откуда вышли, и каков язык их, и какого они племени, и какова вера их. А называются татары, а другие говорят туркмены, а другие печенеги. Иные говорят, что они те, о которых Мефодий Патомский епископ свидетельствует, что они вышли из пустыни Етливской, находящейся между востоком и севером. Так ведь Мефодий сказал, что к окончанию времен явятся те, которых загнал Гедеон, и поплелят всю землю от востока до Ефранта и от Тигра до Понетского моря, кроме Эфиопии. ... И мы слышали, что многие страны они попленили, ясов, обезов, касогов и половцев безбожных множество избили, а иных загнали, и так те перемерли, убиваемые гневом Божиим и пречистой Его Матери. Ибо много зла сотворили те окаянные половцы Русской земле. Того ради всемилостивый Бог, хотя погубить и наказать безбожных сынов Измаиловых куман, да отомстят за кровь христианскую, что и было над ними беззаконными» [Памятники литературы Древней Руси, 1981: 133].

Военные операции на севере Китая описаны совершенно иначе. Китайский источник довольно беспристрастно излагает деяния знаменитого полководца Мухали, которому Чингисхан поручил завершить покорение империи Цзинь, пока сам великий хан отправился в поход на Запад мстить хорезмшаху Мухаммаду за убийство своих людей: «[Мухали на аудиенции у императора] был пожалован [должностями] главнокомандующего войсками в Поднебесной и управляющего и [титулами] тай-ши и го-ва-

на. [Он] — черный татарин. За последние десять лет [он] совершает карательные походы на восток и на запад и устрашает и потрясает варваров и китайцев. Все важные дела, [относящиеся к] походам и войнам, решаются [им] лично. Поэтому [его] называют временно замещающим императора. В платье к системе [церемониала] целиком следует установлениям, [существующим] для сына Неба» [Мэн-да бэй-лу, 1975: 59–60]. Никаких поисков оккультных причин монгольского нашествия здесь не прослеживается. Одни «варвары» подавляют других «варваров», причем и те, и другие пытаются подражать цивилизованным обычаям китайцев. Так было испокон веков на благо Среднему государству. Русские летописцы как будто пишут о том же самом: «народ неизвестный» пришел для того, чтобы покарать врагов христиан — безбожных половцев. Но это лишь начало истории. Заступничество русских за «своих поганых» обернулось их страшным избиением, и это был только пролог к гораздо более суровым временам, когда Русь на долгие годы склонилась перед монгольскими ханами. По иронии судьбы аналогичная судьба постигла и Китай, до поры благосклонно принимавший победы кочевников над чжурчжэнями.

Нечто принципиально иное виделось в монголах народам, меньше от них пострадавшим. Так, для вьетнамцев отряды, посылавшиеся против них хаганом Хубилаем, это «люди Юань», а Юань — это преемница китайской национальной Южной Сун, а вовсе не кочевая империя. Угроза с севера была в порядке вещей. Важно отметить, что Китай всегда говорил со своим южным соседом с позиции не просто огромной империи, а, по сути, единственного под Небом легитимного государства, и точно такой же была идеология монголов в XIII в. Однако для вьетнамцев вторгавшиеся войска были «бандитами» вне зависимости от того, кем они были укомплектованы — китайцами или монголами, или теми и другими вместе: «В правление под девизом Нгуен-фонг (1251–1258) дома Чан, когда татары явились грабить нашу страну и добрались до этих земель, кони их вдруг стали спотыкаться и не могли двинуться с места. Деревенские жители собрались и дали им бой, бандиты были разбиты и рассеяны. ... Когда в начальный год правления под девизом Чунг-хынг (1285) люди [династии Юань] вновь явились грабить — а на этот раз куда бы они ни приходили, везде разоряли все дотла...» [Антология традиционной вьетнамской мысли, 1996: 77–78]. Японцы расценивали монголов, в сущности, так же, считая их «мятежниками» и «иноземными пиратами». Таким образом, в обоих случаях носители «мироустроительных» идей, считавшие себя единственными, кто удостоился небесной милости править всем человечеством, воспринимались всего лишь как разбойники, требовавшие вооруженного отпора. Что касается Кореи, то, по справедливому мнению С. О. Курбанова, «если поначалу монгольская агрессия на территории Кореи носила характер нашествий иноземных «варварских» войск, то последующее подчинение Кореи монголами стало в известной степени подчинением Китаю, что для окружавших Китай государств Дальнего Востока было нормой» [Курбанов, 2002: 166].

Европейские современники были убеждены, что монголы намерены покорить весь мир: «Другое постановление такое, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с каким народом, если прежде не будет оказано им подчинения...», — сообщает францисканец Плано Карпини, ездивший к монголам по при-

казу папы Иннокентия IV [Плано Карпини, 1997: 48]. В другом месте своего отчета он повторяет этот тезис: «Замысел татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, как сказано выше, они имеют приказ Чингисхана» [Плано Карпини, 1997: 62]. Рубрук, тоже побывавший в Монголии, подтвердил вселенские притязания монголов: «Они считают себя владыками мира, и им кажется, что никто не должен ни в чем им отказывать...» [Гильом де Рубрук, 1997: 102]. Подобные мысли излагаются и в послании германского императора Фридриха II Гогенштауфена английскому королю Генриху III: «...намереваясь уничтожить весь род человеческий, считая себя единственными достойными править во всех землях благодаря своей великой и безмерной силе и численности» [Матузова, 1979: 140]. Из послания Ивона Нарбоннского епископу Бордоскому Гиральду следует то же самое: «И они убеждены, что только ради них одних все было создано... Они все, как один человек, настойчиво стремятся и жаждут подчинить весь мир своему господству» [Матузова, 1979: 149–150].

Это мнение нельзя считать всего лишь результатом тревожных ожиданий, в которых Европа пребывала после первого вторжения монголов в 1241–1242 гг. Миссии, побывавшие в Каракоруме для сбора информации о дальнейших планах кочевников, по-видимому, передавали вполне адекватные сведения. Во исполнение решений курултая 1235 г. крупные подразделения номадов были отправлены в Китай, Корею, Закавказье, Ближний Восток, на Волгу и далее — на Русь и Европу. Это были не орды грабителей, а дисциплинированные отряды Монгольской империи, слаженно и четко действовавшие согласно приказам Чингисидов и почти не знавшие поражений. Их целью, действительно, было покорение всей известной им вселенной. Современники не раз с удивлением отмечали, что монголы проявляли пренебрежение к добыче, настойчиво добываясь сначала окончательной победы.

Насколько нам известно, на Востоке масштабы монгольских инвазий не измерялись границами «всей земли», а боевые походы монголов расценивались как операции по подчинению вполне конкретных стран: сначала Цзинь и Си Ся, потом Кореи, затем Южной Сун, далее — Японии и стран Юго-Восточной Азии. В «Кратких известиях о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина приводятся списки уже разгромленных монголами народов и государств и еще сопротивляющихся. Там же можно ознакомиться с постановлением Чингисхана (скорее всего, имевшим место в действительности) о необходимости окончательного уничтожения Цзинь [Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009: 77–78]. Чжао Хун говорит о захватнических кампаниях Чингисхана менее определенно, но, тем не менее, вполне реалистично: «[Он] совершает карательные походы на восток и на запад, и государство его усиливается и расширяется» [Мэн-да бэй-лу, 1975: 48]. О монгольских планах по завоеванию «всей земли» он тоже не сообщает. Любопытно, что китайский чиновник называет монгольскую агрессию «карательными походами», тем самым перенося китайские политические понятия на кочевой мир и имплицитно оправдывая самого Чингисхана, который, таким образом, наказывает тех, кто заслуживает наказания.

Религиозная картина мира предполагает расплату за грехи. Это верно как для авраамических религий, так и для восточных политеистических вероучений. Однако понимание монгольского нашествия в качестве кары Господней нигде не проявилось так от-

четливо, как в христианской культуре¹. Христианские авторы, независимо от национальности и конфессии, были единодушны в том, что монголы явились в наказание за грехи: «Таким образом этот безобразный и звероподобный народ не только из чаши, но и осадком ея горечи напоил нас за множество разнообразных грехов наших, которыми мы постоянно возбуждали гнев Творца нашего. И Он воздвиг их на нас, чтоб наказать нас за то, что мы не соблюли предписаний Его» [История монголов инока Магакии, 1871: 6]. Конечно, следует помнить, что грамотной прослойкой средневекового общества являлось прежде всего жречество, которое, помимо исполнения своих прямых обязанностей, обращалось и к литературно-историческому труду, вследствие чего летописи преподносят события в религиозном освещении. Впрочем, вполне вероятно, что и простой народ считал так же.

Русские книжники ссылались на христианского богослова Мефодия Патарского (около 260–312), предрекшего нашествие нечестивого народа в конце времен (на самом деле пророчество увидело свет несколькими веками позже); армянские летописцы вспоминали пророчество Святого Нерсеса (IV в.) о приходе «народа стрелков». Поскольку же монголы явились по Божьему велению (а они умело эксплуатировали это убеждение покоренных), то не оставалось иного, кроме смирения и покаяния. Видя в «звероподобных» кочевниках предвестников «конца света», эти народы могли надеяться только на милость Господню, которая ждет лишь тех, кто встал на путь истинный. Более того, согласно канонам, нет власти, которая не от Бога, следовательно, правление монгольского хана законно. Естественно, монголы подогревали в умах захваченных народов и эту идею, в то же время освобождая священнослужителей от налогов. В итоге рушилась идеология сопротивления. Напротив, она была чрезвычайно сильна у тех народов, которые либо сумели отбить нападения, либо стояли у монголов «на очереди» и сознавали это.

В случае Китая картина была иной. Понятия «грех», адекватного христианскому или мусульманскому, в китайской культуре нет. Поэтому причину нашествия «варваров» видели скорее в недостатке гуманности императора или распущенности чиновничества, чем в нарушении религиозных норм. Однако агрессивность, по китайским представлениям, коренилась в самой природе «варваров», поэтому от них всегда можно и нужно было ожидать нападения, грабежа и кровопролития, и каждый раз винить в их появлении на границах собственные ошибки или утрату человеколюбия едва ли было верно. В целом, монгольские бесчинства были восприняты китайской культурой

¹ Возможно, среди мусульман тоже бытовало представление о Чингисхане как об исполнителе Господней воли. Согласно рассказу Рашид ад-Дина, после захвата Бухары весной 1220 г. Чингисхан якобы собрал жителей за городом, в месте, где обычно совершались общественные праздничные моления, поднялся на минбар, с которого произносятся проповеди, и изрек: «О люди, знайте, что вы совершили великие проступки, а ваши вельможи — предводители грехов. Бойтесь меня! Основываясь на чем, я говорю эти слова? Потому что я — кара господня! Если бы с вашей [стороны] не были совершены великие грехи, великий господь не ниспослал бы на ваши головы мне подобной кары!» [Рашид ад-Дин, 1952: 205]. Может быть, великий хан и в самом деле обращался с подобными словами к населению захваченных городов. В то же время следует учитывать характер цитированного источника: его автор занимал высокий пост при дворе ильханов и, помимо прочих дел, был облечен задачей составления официальной «всемирной истории», где прямая критика монголов, а тем более великого основоположника их империи, едва ли была возможна; наоборот, требовалось найти аргументы для оправдания власти его потомков над землями ислама. Мусульманские авторы, писавшие о монгольском вторжении по горячим следам, такие как Ибн ал-Асир или Джузджани, отнюдь не ссылались на Божью волю и свои грехи, но не скупились на проклятия в адрес своих поработителей.

достаточно спокойно как нечто привычное и само собой разумеющееся. Никакого переворота в сознании они не спровоцировали, поэтому источники сообщают о них довольно бесстрастно. Более того, при прочтении, например, путевых записок Чжан Дэ Хоя о Монголии, посещенной им в 1247 г., складывается образ тихой, мирной страны, где монголы ездят друг к другу с праздничными поздравлениями и рука об руку с китайцами сеют хлеб. Разрушения тоже упоминаются, но ничуть не акцентируются [Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой, 1867: 582–591]. Однако следует помнить, что в данной статье идет речь о том отрезке времени, когда монголы покоряли чжурчжэньскую империю Цзинь, враждебную китайцам, и последние едва ли имели причины соболезнавать своим неприятелям.

Почему же сами монголы верили в свою высокую миссию по объединению всего человечества? Ответ на этот вопрос дает Рашид ад-Дин, хорошо осведомленный по части старых монгольских легенд. Он утверждает, что мысли о всемирном господстве внушал Чингисхану Тэб-Тэнгри (Кокочу), обычно считающийся современными историками шаманом, хотя, возможно, им не являвшийся: «Обычай его был таков, что он раскрывал тайны, предсказывал будущие события и говорил: «Бог со мною беседует, и я посещаю небо!». Он всегда приходил к Чингизхану и говорил: «Бог повелел, чтобы ты был государем мира!». И чингиз-ханово прозвание ему дал он, сказав [при этом]: «Повелением бога имя твое таково должно быть!» ... У Тэб-Тэнгри вошло в привычку в [самое] сердце зимы, в местности Онон-Кэрулэн, одной из самых холодных [местностей] тех областей, садиться голым на лед. От тепла его [тела] замерзшая вода растаивала и от воды поднимался пар. Монгольское простонародье и отдельные лица говорят, — и [это] стало общеизвестным, — что он ездил на небо на белом коне. [Разумеется], [все] это — несообразности и вранье простых людей, но он владел каким-то обманом и при творством; с Чингиз-ханом он говорил дерзко, но так как некоторые [его слова] действовали умиротворяюще и служили поддержкой Чингиз-хану, то последнему он приходился по душе» [Рашид ад-Дин, 1952а: 167; Рашид ад-Дин, 1952б: 70; Juvaini, 1997: 39].

Идея об избранничестве Чингисхана Богом была хорошо известна на Ближнем Востоке и в Закавказье: ее в разных вариантах пересказывают Бар-Эбрей (1226–1286), почерпнувший ее из сочинения Джувейни, а также армянские и грузинские летописцы, например: «И как только он (Тэмучжин. — Ю. Д.) устроился над татарами, явился некий дивный человек... Он предстал перед *каэном* и сказал следующее: «Я пойду на гору ту, что называют Балик: слышу глас Божий. То велит Бог: отдаю Темурчи и воинам его все земли и да будет ему именем Чингиз-каэн» [Анонимный грузинский «Хронограф», 2005: 21]. Согласно Киракосу Гандзакеци (1200–1271), судьба Чингисхана как властелина мира была решена еще до его зачатия: «Но обычно они рассказывают вот что: государь их — родственник бога, взявшего себе в удел небо и отдавшего землю *хакану* (Угэдэю. — Ю. Д.). Говорили, якобы Чингисхан, отец *хакана*, родился не от семени мужчины, а просто из невидимости появился свет и, проникнув через отверстие в кровле дома, сказал матери [Чингиса]: «Ты зачнешь и родишь сына, владыку земли». Говорят, так он и родился» [Киракос Гандзакеци, 1976: 173]. Можно привести еще целый ряд подобных цитат из армянских сочинений [Дробышев, 2019: 119–123]. Однако русским книжникам эта история либо неизвестна, либо они не находят нужным ее пересказы-

вать: в русских источниках она отсутствует, да и сам Чингисхан упоминается крайне редко (в лучшем случае целый летописный свод содержит лишь одно его упоминание в связи с событиями 1223 г., следуя за Ипатьевской летописью¹).

Официальная китайская историография эпохи Юань трактует обретение Чингисханом власти как следствие получения им Небесного мандата, иначе он, подобно обыкновенному мятежнику, просто не смог бы создать прочное государство². В некотором смысле это можно уподобить христианской или мусульманской идее наделения его высшей властью от самого Бога. Однако более ранние китайские сообщения, конечно, гораздо более сдержаны, поскольку концепт Небесного мандата несовместим с «варварами».

В чем авторы Востока и Запада оказались очень близки, так это в нелестной характеристике моральных качеств захватчиков: для тех и других монголы выглядели дикарями. Тем не менее сунские дипломаты описывали монголов весьма деликатно, в отличие от своих же предшественников, имевших дело с хунну, тюрками или уйгурами, — видимо, им не только приходилось соблюдать какие-то дипломатические нормы, но и передавать пограничным чиновникам и императорскому двору максимально точную информацию. Естественно, тезис о «зверинном сердце» номадов не был забыт, но в Китае он все-таки оказался несколько приглушен (в конце концов, основанная Хубилаем монгольская династия Юань почти век владела Поднебесной), тогда как европейские авторы, избежавшие длительного порабощения, не жалели красок для описания нечеловеческой сущности монголов.

Для наглядности суммируем вышеизложенное в таблице. Из нее следует, что различий все же больше, чем сходства, хотя предложенная здесь генерализация достаточно условна, и из нее имеется немало исключений.

Сравнение оценок монголов в западных и восточных источниках

№	Источники		Соответствие
	западные	восточные	
1	Для Запада монголы необычны и непривычны, они описываются как монстры, лишённые каких-либо религиозных добродетелей и человеческих принципов, понять их поведение невозможно	На Востоке монголы — очередная волна «варваров», чья внешность и поведение не вызывают ни удивления, ни интереса, тем более, что они имеют те же расовые признаки, и среди них были давно знакомые враги	-
2	Монголы — кара Господня, они воспринимаются в эсхатологическом ключе; как правило, авторы обвиняют в их нашествии свои народы, за грехи которых Бог послал такое наказание	Никаких эсхатологических ассоциаций не прослеживается, хотя монгольские инвазии могли расцениваться как проявление небесного гнева за отсутствие (недостаток) добродетели императора и/или чиновничества	±

¹ Ипатьевская летопись, самый ранний из сохранившихся списков которой датируется концом 1420-х гг., поражает своей информированностью о действиях монголов после ухода из разгромленного Хорезма: она точно передает, что кочевники отправились в поход на Тангутскую землю, где Чингисхан встретил свою смерть, а тангуты были побеждены не столько военной силой, сколько хитростью [Полное собрание русских летописей, 1998: стб. 745]. Откуда летописец почерпнул эти сведения, остается загадкой. Никакой параллельной информации о судьбе Чингисхана и тангутах русские источники не содержат.

² Подробнее этот вопрос рассмотрен в нашей работе: [Дробышев, 2007: 137–156].

Продолжение таблицы

№	Источники		Соответствие
	западные	восточные	
3	Раз монголы посланы Богом в наказание, бороться с ними бессмысленно и даже грешно, вместо сопротивления необходимо покаяние и исправление своих грехов	Активное сопротивление необходимо; в то же время нужно и моральное совершенствование главы государства и чиновничьего аппарата	±
4	Монголы — предвестники конца света	Монголы — сила, которую можно использовать в своих интересах	-
5	Цель монголов — покорить весь мир и уничтожить религию; грабеж и вымогательство — их побочные занятия	Цель монголов — обогащение, способы ее достижения — грабеж и вымогательство	-
6	В нравственном отношении монголы — дикари	К монголам в полной мере применима характеристика всех прочих «варваров»: они имеют внешность человека, но сердце дикого зверя	+
7	С течением времени представление о монголах меняется на более объективное и позитивное соответственно изменению их политики по отношению к покоренным и непокоренным народам и утрате имперской идеологии	В зависимости от того, где и кем создавались произведения, представление либо оставалось неизменным, либо трансформировалось в сторону большей объективности и вынужденной позитивности	±

В реальности, конечно, картина была сложнее, чем обрисовано в данной статье. Даже среди источников, созданных в одной и той же культурной среде, наблюдается значительный разбой в описании монголов, что зависит от целого ряда причин. Однако можно выделить некоторые общие моменты. Так, практически общим местом является возвеличивание монгольских ханов на фоне крайне негативной оценки основной массы монголов. Это характерно для армянских, сирийских, отчасти также и русских источников. Европейские авторы не делали принципиального различия между верхами и низами монгольского общества, награждая отрицательными эпитетами и тех, и других. То же можно сказать и о некоторых персидских авторах, из которых наиболее нетерпимым к монголам был, несомненно, Джузджани (ок. 1193 — ?). С высоты своего мусульманского благочестия он мог написать, допустим, о кончине великого хана Гююка (1246–1248) такое: «Когда Гююк переселился из мира сего и сошел в ад...» [Тизенгаузен, 1941: 15]. Между тем Джузджани не контактировал с монголами и писал о них, укрывшись в Индии.

Напомним, что интерес различных народов к монголам был в те годы далек от чистого любопытства: надо было ясно осознать, с кем имеешь дело, какие реальные угрозы возникают и как им противостоять. Однако при всей серьезности ситуации отношение к ней, как оно отразилось в источниках, было довольно противоречивым. Воля к победе и отсутствие фатализма стимулировали добывание по возможности всесторонней и объективной информации о новом противнике. Таковы официальные китайские и западноевропейские сообщения. Южносунский посланник к монголам Сюй Тин утверждал, что «нельзя только лишь преувеличивать могущество татар, но при этом не думать о способах увеличения собственных сил» [Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009: 68]. Очевидно, что максимально полный и практичный характер собранных его коллегой Пэн Да-я сведений помог последнему в течение почти двух десятилетий руководить обо-

роной вверенного ему города Чунцин в центральной части Китая в период покорения монголами Южной Сун [Пэн Да-я, Сюй Тин, 2009: 88]. Напротив, фаталистическая позиция русских летописцев, каковой она представляется ввиду сообщаемых ими сведений о монгольском нашествии, хорошо коррелирует с явной неготовностью князей организовать сколь-либо эффективное сопротивление. А как можно защищать свою землю, если народ, пришедший ее полонить, так и остался «незнаем» и «неведом» вопреки, во-первых, непосредственному столкновению с ним в 1223 г. и, во-вторых, неизбежно просачивавшейся на Русь информации о монгольском погроме на Средней Волге в 1236 г.? Поэтому, видимо, приходится согласиться с резкими доводами Дж. Феннела, согласно которому русские князья как будто не имели никакого представления о тактике и стратегии врага, который к 1237 г. уже стоял у них на пороге. Разведки не существовало, полагались на случайные сведения. Даже на Южной Руси, имевшей год передышки, не было принято практически никаких дипломатических или оборонительных мер [Феннел, 1989: 126].

Заключение

Разумеется, большая широта охвата материала вынужденно ведет к поверхностности его анализа, но мы и не старались дать здесь исчерпывающий ответ на вопрос, чем отличался западный взгляд на монголов в XIII в. от восточного, а лишь наметили некоторые пункты для сравнения и продемонстрировали основные различия, обусловленные особенностями менталитета западных и восточных народов той эпохи.

С течением времени образ монголов в источниках видоизменялся, чему должны были способствовать, как минимум, два обстоятельства. Во-первых, росла осведомленность грамотной прослойки контактировавших с ними обществ, во-вторых, менялись сами монголы: они утрачивали свою воинственность и забывали имперские амбиции. Постепенно приходило определенное взаимопонимание, ведущее сначала к компромиссам, позже к военным союзам (чаще вынужденным для подчиненной стороны), а затем — к слиянию элит и превращению покорившейся верхушки в почти полноправных «монголов».

Основной вывод, который следует из данной статьи, заключается в том, что естественное желание современных историков выстроить объективную, всеобъемлющую картину монгольского триумфа практически всегда приносит только частичный результат, обусловленный далеко не полным выбором источников, которые неизбежно отражают лишь некоторый фрагмент реальности, нуждающейся, к тому же, в верной интерпретации. До сих пор неизвестно достоверно, какие виды имел Чингисхан на ойкумену, и каким именно образом зародилась в умах монгольской элиты идея мирового господства. Такие сведения буквально по крупицам рассеяны в источниках, написанных на многих языках. Взгляды западных и восточных современников возвышения монголов в этом плане могли бы дополнить друг друга. В настоящее время наука уже располагает значительным числом изданных, переведенных и прокомментированных свидетельств средневековых авторов, и, возможно, наступает время перехода от анализа сообщаемых ими сведений к их синтезу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. Вып. I. Текст / пер. Г. В. Цулая. М., 2005. 162 с.

Антология традиционной вьетнамской мысли. X — начало XIII вв. М. : ЦОП Ин-та философии РАН, 1996. 241 с.

Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах. Т. 1. Царствование Михаила Палеолога, 1255–1282 / пер. под ред. проф. Карпова. СПб. : Тип. Департамента уделов, 1862. 526 с.

Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны // Путешествия в восточные страны. М. : Мысль, 1997. С. 86–189.

Дробышев Ю. И. Мандат Неба в руках монголов // *Basileus* : сборник статей, посвященный 60-летию Д. Д. Васильева. М. : Восточная литература, 2007. С. 137–156.

Дробышев Ю. И. Отражение монгольских имперских идей в средневековых армянских источниках // *Восток (Oriens)*. 2019. № 4. С. 119–123.

История монголов инока Магакии, XIII века / пер. К. П. Патканова. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1871. IX+106 с.

Киракос Гандзакеци. История Армении / пер. Л. А. Ханларян. М. : Наука, 1976. 357 с.

Курбанов С. О. Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002. 628 с.

Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М. : Наука, 1979. 268 с.

Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / пер. Н. Ц. Мункуева. М. : Наука, 1975. 288 с.

Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М. : Художественная литература, 1981. 616 с.

Плано Карпини. История могалов // Путешествия в восточные страны. М. : Мысль, 1997. С. 29–85.

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М. : Языки русской культуры, 1998. 648 с.

Путевые записки китайца Чжан Дэ Хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия / пер. о. Палладия // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. IX–X. 1867. С. 582–591.

Пэн Да-я, Сюй Тин. Хэй-да шилюэ (Краткие известия о черных татарах), комментированные и исследованные Ван Го-вэем / пер. Р. П. Храпачевского // *Золотая орда в источниках*. Т. III. М., 2009. С. 27–120.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1 / пер. Л. А. Хетагурова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952а. 222 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 2 / пер. О. И. Смирновой. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952б. 315 с.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М. : Прогресс, 1989. 291 с.

Juvaini, Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror* / Trans. by J. A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p.

Кеппинг К. В. *Chinggis Khan's Last Campaign as Seen by Tanguts // Ксения Кепинг. Последние статьи и документы.* СПб. : Омега, 2003. С. 172–195.

REFERENCES

Anonimnyi gruzinskii "Khronograf" XIV veka [Anonymous Georgian "Chronograph" of the XIV century]. Issue I. Text / Tr. by G. V. Tsulaia. Moscow, 2005. 162 s. (in Russian).

Antologiya tradicionnoj v'etnamskoj mysli. X — nachalo XIII vv. [An anthology of traditional Vietnamese thought. X — beginning of the XIII centuries]. Moscow: TSOP Instituta filosofii RAN, 1996. 241 s. (in Russian).

Vizantijskie istoriki, perevedennnye s grecheskogo pri Sanktpeterburgskoj duhovnoj akademii. Georgiya Pahimera istoriya o Mihaile i Andronike Paleologah. T. 1. Carstvovanie Mihaila Paleologa, 1255–1282 [Byzantine Historians, translated from the Greek at the St. Petersburg Theological Academy. The History of Michael and Andronikos Palaiologos. Vol. 1. The Reign of Michael Palaiologos, 1255–1282] / Tr. under ed. of prof. Karpov. Saint-Petersburg: Tipografija Departamenta udelov, 1862. 526 s. (in Russian).

Gilom de Rubruk. *Puteshestvie v vostochnye strany* [Travel to Eastern countries]. *Puteshestviia v vostochnye strany* [Travels to Eastern countries]. Moscow: Mysl', 1997. S. 86–189 (in Russian).

Drobyshev Yu. I. Mandat Neba v rukah mongolov. *Basileus: sbornik statej, posvyashchennyj 60-letiyu D. D. Vasil'eva* [The Mandate of the Sky in the hands of the Mongols. *Basileus: a collection of articles dedicated to the 60th anniversary of D. D. Vasiliev*]. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura", 2007. Pp. 137–156.

Drobyshev Yu. I. Otrazhenie mongol'skikh imperskikh idej v srednevekovykh armyanskikh istochnikakh [Reflection of Mongol Imperial Ideas in Medieval Armenian Sources]. *Vostok (Oriens)*. 2019. № 4. S. 119–123 (in Russian).

Istoriia mongolov inoka Magakii, XIII veka [History of the Mongols of Magakia monk, XIII century] / Tr. by K. P. Patkanov. Saint-Petersburg: Tipografia Imperatorskoj akademii nauk, 1871. IX+106 s. (in Russian).

Kirakos Gandzaketsi. *Istoriia Armenii* [History of Armenia] / Tr. by L. A. Khanlarian. Moscow: Nauka, 1976. 357 s. (in Russian).

Kitaiskaia dinastiinaia istoriia "Yuan" shi (Ofitsial'naia istoriia [dinastii] Yuan)' [Chinese dynastic history "Yuan Shi (Official history of the [dynasty] Yuan)"] / Tr. by R. P. Khrapachevskiy. *Zolotaia orda v istochnikakh. Vol. III. Kitaiskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in sources. Vol. III. Chinese and Mongolian sources]. Moscow, 2009. S. 121–291 (in Russian).

Kurbanov S. O. *Kurs lekcij po istorii Korei: s drevnosti do konca XX v.* [Kurbanov S. O. Course of lectures on the history of Korea: from antiquity to the end of the XX century]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2002. 628 s. (in Russian).

Matuzova V. I. *Angliiskie srednevekoveye istochniki IX–XIII vv. Teksty, perevod, kommentarii* [English medieval sources of the IX–XIII centuries. Texts, translations, commentaries]. Moscow: Nauka, 1979. 268 s. (in Russian).

Men-da bei-lu (Polnoe opisanie mongolo-tatar) [Men-da bei-lu (Complete description of the Mongol-Tatars)] / Per. N. Ts. Munkueva. Moscow: Nauka, 1975. 288 s. (in Russian).

Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. XIII vek [Monuments of the literature of Old Russia. XIII century]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1981. 616 s. (in Russian).

Pen Da-ia, Siui Tin. *Khei-da shiliue (Kratkie izvestiia o chernykh tatarakh)* [Khei-da shiliue (Short news about the Black Tatars)] / Tr. by R. P. Khrapachevskiy. *Zolotaia orda v istochnikakh. T. III. Kitaiskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in sources. Vol. III. Chinese and Mongolian sources]. Moscow, 2009. S. 27–120 (in Russian).

Plano Karpini. *Istoriia mongalov* [History of Mongols]. *Puteshestviia v vostochnye strany* [Travels to Eastern countries]. Moscow: Mysl', 1997. S. 29–85 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 2. Ipat'evskaia letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 2. Ipatievskaya chronicle]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1998. 648 s. (in Russian).

Putevye zapiski kitajca Chzhan De Hoj vo vremya puteshestviya ego v Mongoliyu v pervoj polovine XIII stoletiya / Tr. by Palladiy. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Travel notes of the Chinese Zhang De Hoi during his journey to Mongolia in the first half of the XIII century. Notes of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Books IX–X. 1867. S. 582–591 (in Russian).

Rashid al-Din. *Sbornik letopisei* [Collection of chronicles]. Vol. I. Book 1 / Tr. by L. A. Khetagurov. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952a. 248 s. (in Russian).

Rashid al-Din. *Sbornik letopisei* [Collection of chronicles]. Vol. I. Book 2 / Tr. by O. I. Smirnova. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952b. 248 s. (in Russian).

Tizengauzen V. G. *Sbornik materialov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoj ordy. T. II. Iz-vlecheniya iz persidskikh sochinenij* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. II. Extracts from Persian writings]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. 308 s. (in Russian).

Fennel J. *Krizis srednevekovoj Rusi. 1200–1304* [Fennel J. The crisis of Medieval Russia. 1200–1304]. Moscow: Progress, 1989. 291 s. (in Russian).

Juvaini, Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror* / Trans. by J. A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 s.

Kepping K. B. Chinggis Khan's Last Campaign as Seen by Tanguts. Kseniya Keping. *Poslednie stat'i i dokumenty* [Kseniya Kepping. The last works and documents]. Saint-Petersburg: Omega, 2003. S. 172–195.

Статья поступила в редакцию 19.02.2021

Принята к публикации 09.04.2021

Цитирование статьи:

Дробышев Ю. И. Образ монгольских завоевателей в западных и восточных источниках (опыт сравнительного анализа) // Народы и религии Евразии. 2021. №2 (26). С. 106–120.
Citation:

Drobyshev Yu. I. The image of the mongol conquerors in western and eastern sources (experience of a comparative analysis). *Nations and religions of Eurasia*. 2021. №2 (26). Pp. 106–120.